Словцами жемчуга…

Человек — это стремление, а не обладание. Человек — это поток, а не конструкция. Человек — это тайна, а не знание наперед. Человек — это путь, а вовсе не нечто предзаданное и априори понятное. Но и не проложенный кем-то и заранее известный образовательный маршрут. Человек — это усилие быть выше самого себя. Это усилие риска и усилие открытия. И вместе с тем — способность наиутонченнейшего наслаждения.

А что более рискованно, непостижимо и насладительно, чем язык? Если что-то и говорит про человека хоть что-то, то это, конечно, его язык. И все, что сказано про человека, может быть сказано и про язык. Язык — это не инструмент для достижения целей. Не средство коммуникации. Язык это музыка, стремление, поток, любовь и всегда неразгаданная тайна.

Об этом и пишет Дмитрий Корнилов в своей книге, которую кто-то может воспринять как самоучитель по самообразованию. Хотя и в этом будет часть правды. И нестандартным пособием по освоению иностранных языков кому-то она тоже наверняка предстанет (и это тоже правда). И все же не в этом, не в этом будет главное.

Дмитрий Корнилов написал потрясающую книгу про любовь.

Про то, как странно зарождается и рождается в человеке любовь, и про то, как не менее странно она живет в человеке. И про то, что язык — это и есть любовь. А человек есть язык. И язык, если он настоящий, а не фальшивая имитация языка, всегда есть человек = любовь. И потому эта книга про суть человека и человеческого. Про способность человека быть человеком, то есть собой, а не функцией от кем-то поставленных целей и задач.

Книга Дмитрия Корнилова — это книга, жанр и содержание которой невозможно сколько-нибудь однозначно определить.

Во-первых, это книга памяти. Книга, в которой собрано множество блестящих осколков, из которых выкладывается прихотливая мозаика памяти о том, «из какого сора» рождается человеческое «Я», рождается человек своим подлинным, «вторым рождением»

Во-вторых, это книга бытия, книга бытийности, книга подлинности. Книга о том, что такое настоящее, и как оно прорастает и может прорастать в человеке на протяжении всей его жизни. Эта книга о том, чем настоящее отличается от фальшивого, и как научиться жить настоящей, а не фальшивой жизнью.

Ну и, безусловно, это книга любви. Книга о том, что значит любить, и можно ли научиться любить. Например, язык в себе. И себя в языке. Так, чтобы нам с языком (хоть с родным, хоть с иностранным) было всегда и по-настоящему интересно.

Бессмысленно и бесперспективно пытаться овладеть языком. Но высочайшее наслаждение — отдаться во власть языка, нырнуть в стихию языка.

Вот почему эта книга не про обучение языкам, а про высокое искусство наслаждения языками. Когда мы не «учим язык», становясь рабами собственной учебы и тихо ненавидя — и учебу, и сам язык. А когда становимся прекрасными авантюристами и корсарами языка. Ну, или венецианскими купцами, отправляющимися в сказочную Индию и совершающими по ходу своего похода бездну открытий — и мира, и себя...

Ну, или ловцами жемчуга…

С ловцами жемчуга особая история.

Когда мы не скользим по поверхности языка, а ныряем всё глубже и глубже, и уже не в жемчуге дело, а в той немыслимой красоте, которую открывает нам подводное царство...

Ровно тогда, когда мы ныряем за жемчугом, мы — люди.

И потому эта книга о языках любви. Потому что язык — он в принципе про любовь.

Как наивны те, кто считает язык «сигнальной системой» или инструментом обмена информацией! Язык есть там и тогда, где и когда есть любовь. А все остальное — иллюзия языка.

Вот, к примеру, у совсем маленького ребенка, есть любовь. И оттого он осваивает язык, которому его никто не учит. А почему осваивает? Да именно потому, что есть в нем этот благо-

словенный импульс любви. Любовь к миру, тяга к миру, страсть к миру и жажда понимания того мира, в который он почему-то попал, в него родившись. И ровно потому в ребенке есть та удивительная жажда языка, которая позволяет ему совершить невероятное: постичь и освоить язык окружающего мира с опорой исключительно на свои собственные силы.

Беда наша в том, что, становясь взрослее, мы утрачиваем этот дар открытости и любви. И вместо того, чтобы просто любить, начинаем высчитывать. Но счастливы те, в ком дар любви продолжает жить.

И тогда язык — хоть родной, хоть иностранный — не будет для вас мучительным и стыдным грузом собственной несостоятельности, а будет волшебной и счастливой музыкой жизни и наслаждения жизнью.

Вот о чем книга.

А еще это книга о том, чем живое отличается от механического, и почему настоящая встреча с языком начинается только с душевного движения, только с душевного порыва, а вовсе не с суммы тех или иных технических приемов, как уверяет школа.

Впрочем, не нужно думать, что содержание книги Дмитрия Корнилова — исключительно романтическая философия. Помимо всего прочего, она и вполне инструментальна, представляя собой живую энциклопедию разных систем, приемов и способов изучения иностранных языков. В том числе, изобретенных самим автором.

Да и вообще, это энциклопедия. Маленькая энциклопедия тех мелких подробностей, из которых только и рождается история человеческой души (а чем еще является история, как не этим?).

Ну и про школу эта книга, конечно, тоже.

Про школу, убивающую в человеке человека, и про школу, которая человека в человеке взращивает. Про школу глухих стен и школу открытых горизонтов. Про школу, отнимающую у человека жизнь, и школу, жизнь дарующую.

Готовы ли мы к встрече с этой второй школой? С трудной и счастливой школой созидания человеком своего Я? Со школой, которая позволяет человеку увидеть себя как горизонт? Со школой, которая сама есть бесконечный процесс самоизменения?

И это вовсе не школа тех или иных внешних обстоятельств

(стены, методики, техническое оснащение — да какая, в сущности, разница?). Это вечная школа созидания человеком самого себя и школа вечного выхода за границы самой себя. Потому что только тогда человек соразмерен самому себе. Себе как возможности. Себе как горизонту. И только тогда школа соразмерна человеку как Замыслу. Соразмерна человеческой культуре.

Ну и еще, конечно, это книга про педагогику слуха. Потому что педагогика — это и есть слух. И ничто больше.

Доктор психологических наук,
кандидат философских наук,
профессор Александр Лобок